

РАНДЕВУ

Рассказ

Шикарные брюки-клёш и синяя фланелевая рубаша наглажены так, что, кажется, о стрелки можно порезаться, бескозырка лихо сдвинута на затылок, бляха кожаного ремня согнута дугой, надраена и блестит, как... хм... ну, скажем, как у боцмана дудка. И, конечно, треугольник тельняшки в отверстиях гюйса глядит на белый свет с явным вызовом. Тельник – морская душа, продубленная солеными ветрами.

Это дембель Владик: росту шесть футов, широк в кости, румянец во всю щеку. Полгода в учебке и два с половиной на судах – сначала на сторожевике, потом на гвардейском эсминце «Гремящий»; дальний океанский поход за плечами. Неподалеку от Гибралтара обнаглевшие натовские асы устраивали шоу, с надсадным ревом проносясь над мачтами кораблей. Тогда шли из высоких широт на randevу с черноморской эскадрой; бугрились серые скалы на европейском берегу, ярким ковром лежала на юге растительность Африки. Перед заходом в Средиземное море в окуляр дальномера вдруг всплыла тихая бухточка под остроносом, как утюг, нависающим утесом – на выбеленном волнами песке резвились, атласно поблескивая в лучах жгучего солнца, смуглые красавицы...

Владик потрянул головой, и наваждение прошло, огляделся вокруг. В общем вагоне разговор густел, атмосфера наливалась электричеством, все чаще тут и там вскипали на губах крепкие словечки. Сорок рыл дембелей, сошедших по трапам на долгожданный берег, набились в плацкарт, и теперь с каждой секундой, с каждым вздохом, с каждым парным стуком колес поезд приближал их к родным местам.

По узкому проходу катила тележку разносчица. Фигурка ничего и личико размалеванное, но Владик окинул ее лишь мимолетным взглядом: смазлива – да, но изрядно потрепана, ангельские когда-то черты залоснились, были грубо теперь подчеркнуты слоем «штукатурки», хотя годами тетка вряд ли вышла из тридцати пяти. Дамочка просто утонула в лютот прибое горячих мужских взоров. Отчаянно виляя кормой, она катила вперед свою тележку, вертела маленькой головкой, и всем видны были ее полураскрытые, блестящие влагой и будто зовущие губы.

В тележке лежала всякая всячина, которая, конечно, без надобности бывалому моряку – печенье, сок, газировка, шоколад. Кто-то вдруг

озвучил общую мысль: «Водочки бы!» И она точно ждала этого, вся изогнувшись, быстро обернулась на голос, растянула в улыбке ярко размазанный рот: «Откуда, мальчики? У нас все строго, спиртное только в вагоне-ресторане!» Но потом повела вокруг густо подведенными глазками, сжалилась: «А вы возьмите на остановке. Сейчас будем проезжать станцию Оленья, так там магазин стоит прямо возле путей».

И действительно, спустя короткую череду минут перестук колес стал реже – поезд начал сбавлять ход, а затем и вовсе, судорожно дернувшись несколько раз, состав встал. Они жадно прильнули к окнам и узрели невдалеке бревенчатую избушку с полустертой вывеской «Продукты». Сопровождавший их старшина-сверхсрочник издал громовой клич, но приказ исполнить не успели: предупреждая всеобщее желание, из темного проема двери уже опрометью выскочил и под обвальный гул одобрения помчал к поезду шустрый мужичок со вздернутым в руках ящиком водки.

По двойному тарифу горячительное разлетелось в момент, и вот тогда пошло веселье! С непривычки Владик быстро отъехал, и потому в памяти все отложилось с пятое на десятое: в соседнем отсеке шумела сваря – братва чего-то не поделила; вспотевшая разносчица, чудесным образом опять оказавшаяся в вагоне, вяло отбивалась от рук Мосла, двухметрового амбала-моториста с корвета «Стерегающий»; Юрка-Одессит, юморной и незлобивый, в общем-то, паренек, рвал на себе в ключья тельник, пузырился слюной и на весь вагон вопил: «Зае... шкура полосатая! Три года! Целых три года!!!»; само собой, никто его не останавливал, а только добродушно посмеивались, знали – нынче осерчал малый, но потом отгадет и, вообще-то, для парадного выхода бережет в запасе тельняшечку новенькую...

Утром на питерском перроне пахло, как обычно пахнет на железнодорожных вокзалах – креозотом, угольной гарью вагонных печек, уборной и мусорными контейнерами. Этот запах почему-то никогда не менялся, сколько помнил себя Владик еще с давних, детских пор, и оттого сильнее торкнуло в сердце, слегка даже пошла кругом голова. Но длилось это только мгновенье.

Они шумно даванули толпой к выходу, проводницы глядели на них с нескрываемым восхищением: «Красавцы, все как на подбор! Счастливого вам пути, мальчики!»

И вскоре за стеклянными дверями вокзала, прямо на краю нахлынувшей пестротой и сутолокой улицы, начались первые прощания:

кто спешил домой на юбилей, кто на свадьбу, у кого-то недужили родичи – а предстояло еще ехать и ехать по бескрайним просторам России. В общем, распалась веселая гоп-компания. Напоследок крепко жали руки, обнимались, а после, улыбаясь, поднимали с асфальта и отряхивали упавшие с затылков бескозырки. Все горячо обещали друг другу когда-нибудь встретиться.

Солнце пекло по-летнему, что в Заполярье в конце июня за большой подарок, а здесь как будто в порядке вещей. С корешем, Витьком из Минска, они покрутили стриженными бестолковками в поисках лотков с прохладительным, но ничего рядом не узрели, двинули за угол. Владик шел впереди, с удовольствием посматривая на свои сияющие глянец ботинки, и потому не сразу узрел трех добрых молодцев, как из-под земли выросших, – танкиста лейтенанта и курсантов-чернопогонников – патруль, стало быть. Словно специально таились в засаде, выжидая, пока густая толпа морячков разомкнется на мелкие группки. Молодой лейтенант суров – глаза-щелки, безусая физиономия как из камня тесана:

— Почему не отдаем честь, товарищи матросы? – и шаг навстречу, а двое курсантов уже посунулись вперед слитно с ним. – Почему бескозырки на затылке? Почему нарушаем форму одежды? – и офицерский пальчик тычет в аксельбанты и шикарные клеши. – Куда спешим? В отпуск? Документы!

Владик едва не задохнулся от хлынувшей к горлу горячей волны:

— Какие нарушения, какой отпуск, лейтенант? Дембель!

И не известно, что б было, как бы все обошлось, если б не ребята. Из-за угла вдруг выкатил шумная толпа сослуживцев, которые все никак не могли проститься и перед окончательным расставанием тоже искали, чем бы прохладиться после вчерашнего, с гомоном обступила патруль с трех сторон. Мишаня, наглая морда из Волжска, тот самый Мосёл, употребивший-таки, по его хвастливым словам, разносчицу в тамбуре, слегка пригнулся, сощурился, будто слепой, с высоты своего роста на петлицы, процедил сквозь зубы:

— Что вам угодно, товарищ тан-кист? – так и произнес слово, с издёвкой растягивая по слогам.

Лейтенант пристально посмотрел в его бесшабашные глаза, что-то там в них прочел, крупным шрифтом написанное, посуровел еще больше:

— Пока ничего.

— Добро. Так-то оно лучше будет. Валим отсюда, ребята!

И, погогатывая, отпуская реплики в сторону, подметая роскошными клешами асфальт, они покатали к продуктовым ларькам.

— Уф-ф! – первый глоток ледяного пива вырвал из страждущих глоток всеобщий вздох облегчения. Брыластая, багровая лицом киоскерша в темной амбразуре окошка понимающе ухмылялась. В пять секунд, шумно сопя носом, Мосёл высадил содержимое бутылки, протяжно рыгнул, обтер, довольный, мозолистой клешней рот:

— Так, мореманы, тусоваться здесь не с руки. Видели чугунную морду этого пидора? Вполне может стукнуть в комендатуру, и тогда уж придется помахатьсья. – потом хлопнул Владика по плечу. – С тебя стакан, коллега с «Гремящего»!

Однако решили пивко беленькой не усугублять, стали потихоньку рассасываться. Владика с Витьком опять потянуло на сторону, Мосёл с сомнением качал им вслед головой:

— Приспичило по городу шляться? А это надо? Там, небось, на Невском этих псов, – кивнул в сторону ретировавшейся чернопогонной тройцы, – на каждом шагу.

Но слишком просторно было у Владика на душе, хотелось чего-то такого, опять же солнышко шпарило, тополиный пух летел косою метелью.

Из душного чрева метро поднялись на Невский – впереди над изломами крыш в стремительно плывущих облаках чертил небо золотой шпиль Адмиралтейства. Они брели по панели, рассматривая симпатичных женщин, но особо расслабляться было нельзя: тут и там мелькали погоны со звездами, и нужно было изворачиваться – нырять за фигуры прохожих, кидать в правую руку портфель-«дипломат», чтобы поминутно не вздергивать ладонь к бескозырке в опостылевшем воинском приветствии. Много будет чести – от дембелей!

Подошли к арке Главного штаба, но в отдалении опять замаячил патруль, и от созерцания Зимнего дворца пришлось отказаться. Поразмыслили и двинули было к Исаакию, однако поповская тема не очень интересовала обоих, поэтому на полпути свернули к фонтану и зеленым насаждениям. Все вокруг сияло ослепительным летним полднем, а здесь, под кронами деревьев, легла тень, и ветерок, бросавший порывами в лицо водяную пыль, казался освежающим. Встречные девушки обворожительно улыбались им. Владик, сглотнув ком волнения, обратился к одной:

— Скажите, а как нам выйти к Неве?

Молоденькая незнакомка глянула на них с любопытством:

— Очень просто. Повернете сейчас за здание Адмиралтейства направо, там увидите Медного всадника, а за ним уже и набережная.

Едва пробормотав слова благодарности, отошли. Отирая рукой испарину со лба, Витек горячо сожалел:

— А чего мы ее не подцепили? Заметил, как она стреляла глазками?

За поворотом в просветах зелени и впрямь верхом на вздыбленном коне замаячила фигура императора, и, по мере приближения, она все больше впечатляла. Подошли с тыла, зад жеребца казался необъятным.

— Вот это пушка на колесиках! – Витек аж присвистнул, рассматривая конское естество. Потом вслух прочел надпись на камне. – «Петру Первому Екатерина Вторая»... Слышь, Владик, а, правда, болтают, что для Екатерины той мастерили специальные подставки, чтоб под жеребцов подкладывать?

— А хрен его знает. Вранье, наверное. Но то, что она была жадна до мужиков – это факт!

Дружок никак не мог оторваться от монумента, Владик же узрел в окрестностях нечто более интересное. Через улицу со стены какого-то старинного желтого дома громогласно кричала киношная афиша: «Рэмбо: Первая кровь». На саженном плакате был изображен боец с автоматической винтовкой наперевес. Разинув рот, Владик прочел внизу буквы помельче: Сильвестр Сталлоне.

— Ну-ка, Витек, я на минутку! – бросил через плечо, отходя.

Он пересек аккуратно постриженный газон и оказался у проезжей части. Что это еще за «Первая кровь»? Машин было немного, и Владик слегка оторопел, когда вдруг у самого поребрика, закрывая дорогу, бесшумно, как дух, накатили сбоку красные «жигули». Все произошло в один миг, быстро. Впрочем, произнести громкую тираду он не успел – стекло было приспущено, и из салона донеслось мурлыканье музыкашки, волной пахнуло духами вперемешку с дорогим табаком. Изящная ладошка с тлеющей между пальцами сигаретой лежала на руле со стилизованной эмблемой ладьи. Владик пригнул голову и глянул в салон – на него с полуулыбкой уставилась весьма привлекательная особа лет этак двадцати пяти.

— Что, морячок, в отпуск или уже отслужил?

— Отбарабанил. Хорошего понемножку.

- А до дома-то далеко?
- До столицы-то? Рукой подать.
- О-о, да ты у нас москвич. Тогда приглашаю тебя на randevу!
- До него дошло не сразу:
- Как это?
- Так: на встречу. В гости.

Владик воровато зыркнул назад: Витек всё так же толочся в отдалении возле глыбы памятника. Вот кто сейчас был бы к месту!

— Но я не могу...

— Неужто испугался? – она улыбнулась шире, обнажив ровные белые зубки, два верхних передних были крупные, и это придавало улыбке особую прелесть. – А на вид такой браваый парень!

— Я даже...

— Ну же, садись скорей в машину!

Щелкнул замок дверцы, он потянул ручку на себя и уселся на кожаное сиденье. «Жигуленок» тотчас плавно тронул с места. Владик исподтишка рассматривал свою похитительницу – темную челку, точеный профиль, угадывавшийся под блузкой роскошный бюст.

— Мне нужно предупредить друга.

— Обязательно. Я к нему и еду.

Прокатились вдоль поребрика, повернули и выехали на набережную, Нева за гранитным парапетом отливала ровным синим блеском, тут и там по ней шли прогулочные катера. Не зная, куда деть глаза, Владик уставился на яркие фирменные наклейки, обильно наклепленные на передней панели.

— Что, нравится?

— Ничего себе так.

Витек пребывал у Медного всадника в смятении: момент посадки дружка в «жигуль» он прозевал и теперь не мог понять, куда тот запропастился. При виде его растерянной физиономии Владик невольно расхохотался. Девушка тоже не на шутку развеселилась и маленьким кулачком постучала по клаксону, но прошло порядком времени, прежде чем кореш уловил эту своеобразную морзянку и вразвалочку подвалил к ним. Приблизившись к машине, он, однако, тут же впал в ступор, и только молча переводил глаза с Влада на даму.

— Молодой человек, товарища я от вас увожу.

— Н-не понял!

— Товарища, говорю, увожу к себе в гости.

Витек очухался быстро:

— А может, гульнем вдвоем?

— А вот этого не надо! – девушка захихикала, закатив глазки.

— Или позовите подружку.

Но она как отрезала:

— Ну, рассусоливать-то некогда, – обратилась к Вла-дику. – Надеюсь, ты уже решился?

Он кивнул.

— Тогда я посоветую товарищу сходить в киношку, на боевик с Сильвестром Сталлоне, а вечер и ночь пересидеть на вокзале. Завтра встретимся здесь в это же время, а сейчас нам пора.

Под капотом зашумел двигатель, повинаясь педали газа, машина рванула вперед, Владик оглянулся, и фигура Витька, с лютой завистью их озиравшего, сгнула далеко за кормой.

Молчали недолго, уже на стрелке Васильевского острова, которую он узнал по ростральным колоннам, она спросила, как его звать, и назвалась сама:

— Екатерина, Катя.

У Владика голова шла кругом: буквально только что они с Витьком гуляли по городу, с жадным интересом пялились на женщин, рассуждая об их выпуклостях и сожалея о недоступности, а теперь вот он уже едет в компании соблазнительной Кати, вдыхает запах дорогих духов – и, притом, она везет его к себе в гости на randevu!

По пути почти не останавливались, светофоры везде горели зеленым глазом. Через четверть часа парковались возле ее дома. Выключив двигатель, она выбралась из салона и оказалась довольно высокой, на небольших каблучках почти с него ростом. Фигурка в белых обтягивающих штанах была у нее на загляденье, и Владик сразу это заценил. Она, конечно, не могла не заметить его реакции, с улыбкой сунула в сильные руки увесистый пакет с продуктами, который с трудом сама вытянула с заднего сиденья. Подошла вплотную, заглянула в глаза; ее радужки были прозрачно-серые, все испещренные темными точками. Налетевший порыв ветра помешал идиллии, швырнул на лица ленточки бескозырки. Она тихонько отвела в сторону шелковые, с золотыми якорями полоски, коснулась ладонью его щеки.

— Какая у тебя форма красивая! – подняв глаза, с чувством прочитала на околыше. – «Гремящий». Грозное название... Большой корабль?

— Эскадренный миноносец, эсминец... Ракетный эсминец, – поспешно поправился он.

— Замечательно. Ну, идем в дом.

И они поднялись на лифте на пятый этаж. В прихожей она сбросила туфли и, сразу уменьшившись в росте, прошлепала босыми ногами по сияющему отраженным солнцем паркету на кухню, крикнула оттуда:

— Владислав, носи продукты!

Ему было странно находиться в гражданском доме – тесновато. Хотя прихожая была просторная, светлая, и еще ее зрительно увеличивало огромное зеркало шкафа, все равно пространства как будто не хватало. Ничего, что на корабле кубрики были теснее, службу-то он тащил на верхней палубе и привык к широте и неоглядной дали. Владик тоже избавился от обуви, прошел вслед за ней на кухню, взгромоздил пакет на стол.

Она успела пробормотать: «Я тебе нравлюсь?» – и они канули в омут поцелуя. Слепленный, Владик подсадил ее на столешницу, суетно помог стянуть одну брючину, прямо на столе все и случилось в первый раз. После коротких судорог она соскочила вниз и вприпрыжку, забавно путаясь в волочащихся по полу брюках, зашпешила в ванную комнату. Владик остался стоять, как был в форме, ошеломленный.

Потом перекусывали яствами из красочных упаковок, каких он и не видывал, теми, что извлекли из пакета, пили легкое вино. Катя оказалась умелой хозяйкой, быстро все расставила на столе, в полураспахнутом халатике расхаживала рядом, он после душа сидел в одних трусах и, уминая за обе щеки, моргал, поглядывал на нее, на колышущиеся за тонкой материей груди.

Заморив червячка, пошли в спальню, большое зеркало в прихожей отразило две босоногие фигуры.

— А мы с тобой неплохо посмотримся! – засмеялась. – Бравый моряк в одних трусах! Ну-ка, ну-ка, сейчас я надену тебе на голову фуражку!

— Бескозырку.

— Все равно. Ха-ха!

Уже раскрытая двуспальная кровать приняла их в свои объятия. У противоположной стены приглушенно бормотал телевизор, яркие краски

плескались по большому экрану. Владик успел увидеть, что там тоже идут какие-то амурные баталии, все заслонила собой, сев на него сверху, Катя.

Последующие часы до вечера, а затем и всю ночь они провалились в постели. Изредка поднимались, чтобы схватить с сервировочного столика, который она подкатила в одну из коротких пауз, чего-нибудь съесть, хлебнуть вина или сока, и тотчас опять прыгали в койку. За окном мутным сумерком стояла белая ночь, временами Владик задремывал, Катя его тормошила, все начиналось снова, благо в выдумке отказать ей было нельзя. После по очереди, а иногда и вместе шли в ванную.

Счет этого randevу Владик не вел – зачем? – силы не убавлялось, хотя, конечно, внутри подспудно росло и ширилось удивление: это всё реально происходит именно с ним?

Совсем уж под утро Катерина, наконец, успокоилась, как-то вдруг незаметно повернулась на правый бок, спиной к нему, и затихла. Он тоже отнюдь не опустошенный, но подуставший, прикрыл глаза...

Когда распахнул их снова – над головой солнечным светом сиял потолок, блестела хрустальными висюльками незнакомая люстра. Секунду в нем трепетало недоумение, но, зацепив взглядом темный экран большого телевизора у противоположной стены, он сразу все вспомнил. Рядом лежала скомканная простыня – койко-место пустовало. Владик напряг слух и ни малейшего звука не уловил – квартира будто вымерла. Что за черт? Куда подевалась фея?

Он сел на кровати, нагнувшись, поднял с пола и натянул трусы. Тишина вокруг по-прежнему давила на уши. Владик машинально пошарил под ногами шлепанцы, но не нашел, хрустнув суставами, поднялся и побрел в галльон. Только дойдя до двери санузла, он повернул голову и на кухне увидел Катю.

Одетая как на парад, она сидела за столом с прямой спиной и не шевелилась, взгляд был уставлен в одну точку. Услышав шаги, перевела глаза на него. В них уже не читалось ни вчерашнего кокетства, ни радости, ни теплоты – ничего. Пустыня Сахара. Владик, вообще-то ожидавший совсем другой реакции, буркнул «доброе утро» и зашел в кабинку.

Он был озадачен такой переменной: ведь все у них, вроде, ночью ладилось?

Состоявшийся потом за столом диалог был на редкость лаконичным:

— Я еще у тебя останусь?

— Нет, хорошего понемножку. Можешь перекусить, попить чаю, и – скатертью дорога!

— Но я что-то недопонял...

— А тут и понимать нечего.

— Но куда мне сейчас идти?

— На Московский вокзал.

— Ладно, как скажешь.

От чая и бутербродов он отказался, быстро, по-флотски оделся и, не оглядываясь и не прощаясь, вышел вон из квартиры.

Июньский день сиял во всем своем праздничном великолепии, но яркость красок уже пригнеталась мыслью: с чего это она надулась как сова? С чего так себя повела? Вечером и ночью – «ты монстр, ты Аполлон, ох-ах!», а утром, значит, – «катись колбаской»? Такое не очень-то умещалось в голове и потому задевало. А он, между прочим, уже почти влюбился!

Пронзительно-синее небо было бездонно, ярко-зеленая, не выгоревшая еще листва едва дрожала в наливавшемся зноем воздухе. Владик шел наискосок через двор – так он приметил, можно было выйти на проспект – шел мимо песочницы, в которой копошилась малышня. Молодые мамашки сидели на лавочке рядом. Едва он приблизился, все, как по команде, повернулись к нему, и даже мелюзга в песке побросала свои кулички. Он шел и слышал, как за спиной шелестело волной: «Ах... морячок... какой морячок!» И тут же что-то начало медленно поворачиваться в мозгу.

На проспекте он хлопнул себя по лбу: совсем забыл, что вчера Катя обещала опять привезти к медному памятнику Петра. А ну как Витек подорвется туда с вокзала раньше времени, и тогда они навсегда разойдутся как в море корабли? Все четверть часа поездки в метро Владик сидел как на иголках, не обращая внимания ни на что вокруг. Наконец, на эскалаторе «Маяковской» поднялся наверх, но успел только выйти по Невскому к бурлящей обычной суетой площади, когда услышал сбоку злой голос дружка, тот шхерился за газетным киоском:

— Ну, где ты шарисься, военный? Я тут как бродяга торчу на вокзале, мечусь по углам от долбанных патрулей. Давай скорей возьмем билеты да свалим из этого лихого Питера!

Интонация всей тирады, несмотря на гнев, получилась двоякая – злая и беспомощная одновременно – и Владика посреди тротуара вдруг разобрал такой смех, что натурально животики можно надорвать. Не в силах сдержаться конвульсий, он гнулся пополам, кашлял, топал ногами – со стороны, наверное, забавно было смотреть. А он все не унимался: «Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!» – и никак не мог остановиться. Витек будто замерз в ледяном молчании, потом возле самого уха Влада все же прорезался его сумрачный голос:

— У тебя после бурной ночки, чую, совсем крышу снесло?

Ах, ё! А ведь девчонка и впрямь думает, что, типа, лихо его употребила. Как туалетную бумагу. А потом с пресной миной послала подальше. Хух! Голодного вусмерть морячка обслужила по полной программе – и еще мнит себе, что им подтерлась? Ну, ржачка так ржачка... А круто, что эти заокеанские дебилы притащили сюда, как заразу, свою эмансипацию: папашки-то наши, судя по старому кино, месяцами подруг убалтывали, бульдозером их в койку тащили, а эти современные девицы, наоборот, сами ищут себе на корму приключений!

Он шел рядом с товарищем к вокзалу по умытой поливальными машинами площади, полной грудью вдыхая разнообразные ароматы лета. Тополиный пух неподвижно висел в воздухе. Он шел и, сам не зная чему, улыбался. Улыбался просто так. Во всем теле была сила, на душе легкость, и жизнь, такая счастливая и безбрежная, простиралась впереди.